

Андромеда пристально смотрела на Гарри, словно пытаясь разглядеть в нём душу. Наконец, она склонилась к нему, ласково проведя пальцами по его взъерошенным волосам. — Если бы я попыталась угадать... твоя дочь?— Точно в точку! — Гарри расхохотался, горький, нервный смех вырвался из его груди, и он крепко обхватил себя руками. — О, она была великолепна! Она жила! Она была жизнью! — Тем летом перед пятым курсом... я был словно мотылек, летящий на пламя, — признался он, голос его дрогнул. — Не то чтобы Тонкс знала об этом. Но я был ребёнком, а она — аврором. И когда Седрик погиб, я понял, что больше не живу в мире фантазий.— Я просто улыбался и старался быть ребёнком, — Гарри покачал головой, словно отгоняя болезненные воспоминания. — Записался к своим друзьям и вел себя так, как полагается ребёнку.— О, как же я хотел причинить боль Ремусу, когда он причинил боль ей! — в его словах слышалась горечь. — Последняя связь с моими родителями, последняя частичка моей семьи, и я хотел отомстить ему за то, что он обидел женщину, которую я едва знал. За то, что он посмел приглушить этот свет...— Но потом их забрали и у меня. Последних Мародеров, самый яркий свет, который я когда-либо знал. Отняли в то время, которое должно было быть лучшим в их жизни! И они оставили меня присматривать за их сыном... — Гарри стиснул кулаки, притянув колени к груди. Рука Андромеды нежно легла на его спину, словно пытаясь унять бурю эмоций, бушующую в нём. — Семнадцать лет... я должен был заботиться о сыне лучшего друга отца и женщины, которая, как я мечтал, могла бы стать моей...— Это был первый раз, когда я захотел забыть, — прошептал Гарри, закрывая глаза, чтобы сдержать слёзы. — Когда я осознал это, я просто хотел стереть всё из памяти.— Гарри, это нормально для... — Андромеда мягко погладила его по спине, но Гарри прервал её.— Для кого-то? Для человека? Не для проклятого Избранного! Не для проклятого Спасителя! — он резко поднял голову, глаза его горели яростью. — Потому что даже когда Волдеморт был мёртв, и больше никогда не возвращался, они не оставляли меня в покое. Я всегда был Избранным, Спасителем, чёрт возьми! — Я не хотел участвовать ни в чём из этого! — он снова рассмеялся, горький, надрывный смех. — И снова, я был вынужден играть роль, которую мне навязали.— Поэтому я сделал единственное, что пришло мне в голову, — Гарри опустил голову, взгляд его устремился в окно. — Ремус и Тонкс нашли друг в друге такую любовь. Рон и Гермиона, Билл и Флёр. Я хотел того же, быть счастливым и, чёрт возьми, остаться в одиночестве. ПРАВДА?— Так вот что я сделал, — Гарри прошипел, словно ядовитая змея. — Я бросился в отношения с Джинни. Вложил в них всё, что мог. Все, что мог придумать, чтобы всё получилось.— Мои первые настоящие отношения, моя первая любовь, наверное. Но, блядь, никто не сказал мне, что всё должно быть не так, — он зарычал, слова вырывались из него, словно раскалённые угли. — Никто не сказал мне, как чертовски повезло таким людям, как мои родители, как Рон и Гермиона. Найти кого-то ещё до того, как оставить школу.— Я думал, что всё получится, понимаете? — Гарри покачал головой, словно отгоняя неприятные мысли. — Но никто не сказал маленькому Потти, что почти никакие отношения не сохраняются. Над мной смеялись, когда один из друзей Джинни по команде узнал, что я так думал. Что я был такой чертовски наивный.— Я так разозлился, что не знал, что делать, чёрт возьми. Пока кто-то не сжалился над невежественным маленьким ребёнком, взял меня и привёл в чувство. — Гарри посмотрел на Андромеду, глаза его были красными от слёз. — И знаешь, что я обнаружил в ту ночь, Ромми?Взгляд Андромеды был всем ответом, который ему был нужен. Он кивнул, усмешка проскользнула по его губам. — Да, то, что я напился до беспамятства, означало, что мне не нужно помнить так много. Что всё происходит медленнее, тише, приглушеннее.— Но я не собирался так просто сдаваться. — Гарри снова рассмеялся, слёзы ручьём стекали по его щекам. — О нет, только не Гарри Поттер! Нет, он собирался поступить так, как поступал, когда оказывался прижатым спиной к стене и не мог придумать ничего другого. Он обратится к своим друзьям!— Только вот его друзья, пока он был в отъезде и пытался наладить свои отношения, обрели собственную жизнь. Пока он игнорировал их, отодвигая ТЕМУ на второй план, они двигались дальше, находили новых друзей, начинали свою жизнь. А когда он приполз обратно, когда они были нужны ему больше всего, настал его черёд быть отодвинутым на

второй план. В конце концов, он же заслужил это? Он же сделал это с ними! — слова Гарри были полны горечи и самообвинения. — О, Гарри... — Андромеда нежно обняла его, чувствуя, как горячие слёзы падают на её одежду. — В первые разы я не позволял себе этого. Я делал это с ними, много раз. Всё время. — Потом, когда они были слишком заняты, чтобы идти на одну из игр Джинни, я не смог сдержаться. Я вышел на улицу и надрался в стельку. А после этого? После этого, каждый раз, когда они были слишком заняты для меня, я шел и бесился. Пока, внезапно, я больше не стал беспокоиться о том, чтобы звонить и пытаться. Я просто шел и злился, снова и снова. — А потом, проснувшись однажды утром, я обнаружил, что кто-то нашёл меня и решил вытащить мою пьяную задницу из сточной канавы, — Гарри прошептал, голос его стал тихим, едва слышным. — Только это были не мои лучшие друзья. Это был никто из моих приятелей. Это был Драко, мать его, Малфой. ДРАКО! И он, блядь, хочет мне помочь! Мерлин, помоги мне, этот ублюдок действительно пытается спасти полукровку, которого он сделал целью своей жизни в школе, чтобы сделать несчастным любым способом. — Вот что больнее всего. Это был не Рон, не Гермиона, даже не Полумна или Невилл. Это был Драко Кровавый Малфой... — Гарри замолчал, взгляд его потух. Драко сидел в холодном молчании, глядя на папку в своих руках. В его голове всё встало на свои места. Все предположения, которые он делал в детстве, все поступки, которые он совершал, были основаны на простой предпосылке, которая на поверку оказалась чем угодно, только не правдой. Любовь. Для него это было простой и неизбежной вещью. Ты любишь свою семью, заботишься о ней, ухаживаешь за ней. Ты обеспечивал их безопасность. Именно этому, прежде всего, его учили. Тенью легла в комнате тишина, нарушаемая лишь тихим стуком трости о пол. — Не совсем то, что ты ожидал? — Люциус, входя в полумрак, провёл большим пальцем по набалдашнику трости, словно желая успокоить нервы. — Не того, кого я ожидал, — спокойно ответил Драко, не отрывая взгляда от папки, лежащей перед ним. Его лицо было бледным, словно вылепленным из фарфора. — Его друзья... они должны знать что-то из этого. — Знать что-то и осознавать последствия — это две, очень, очень разные вещи, Драко, — тихо произнес Люциус, садясь напротив сына. — Я слишком долго не мог усвоить этот урок. — А теперь я вывалил всю эту кашу на наши плечи, — почти угрюмо сказал Драко, глядя на папку. — Еще не поздно свалить его на этих его "друзей". Люциус, словно пытаясь отвлечься от неприятных мыслей, изучал блестящий набалдашник трости, в который проникал слабый свет. — Да, это так. Драко тихо проговорил, постукивая пальцами по столу, и бросил взгляд на разросшийся гобелен семейного древа Малфоев, невольно сравнивая его с увядшим гобеленом Блэков. — В ту ночь мы связали свои судьбы с его судьбой. Теперь, если мы победим, мы возвысимся вместе с ним. Если же мы потерпим поражение, то погибнем первыми. Мы открыли ящик Пандоры, отец. Обратного пути нет. — Зачем ты так драматизируешь, Драко? Все, что нам нужно сделать, это убедиться, что если он упадет так, как мы боимся, он будет направлен строго в сторону от нас. Ничего больше, — Люциус покачал головой, с легким укором глядя на сына. — Этот путь, на который ты пытаешься нас направить... Малфои так не поступают. — Тогда нам пора изменить то, как поступают Малфои. На мгновение в комнате повисла тишина, а затем Драко медленно повернулся в кресле и, не замечая отца, уставился в окно. — Наши способы работали веками! — Люциус почувствовал, как искра гнева пронеслась по его венам, разгораясь все сильнее, когда он взглянул на сына, рефлекторно сжав пальцы на трости. — Наши методы уничтожили доверие к фамилии Малфой. Наши пути привели к тому, что нас заклеямили, как скот. Драко медленно повернулся к отцу и впервые встретился с ним взглядом, в котором читалось холодное, жгучее неповиновение. — Если бы не Поттер, ты бы гнил в Азкабанах, как маленькая закуска и лакомство для дементоров. — И что же тогда, ты будешь стоять за спиной этого сломленного дурака-полукровка? — вырвалось у Люциуса, наполнив воздух пронзительным ядом. — Достаточно того, что ты привёл этого дурака в наш дом, привёл предательницу крови и продукт её порочной линии, ты... — Я сделаю то, что будет лучше для моей семьи, — Драко прервал отца, его рука внезапно взвилась в воздух, как нож. — Семьи, которую я собираюсь создать. Женщины, которую я люблю, и детей, которые у нас будут. Я не позволю, чтобы нашу

семью разрушила проклятая гордыня, как это сделали Блэки.

<http://tl.rulate.ru/book/100369/3429967>